18+

Надежда Бельцова

Франция сквозь лобовое стекло

Диалоги на дорогах

2019

Надежда Бельцова

Франция сквозь лобовое стекло. Диалоги на дорогах

«Издательские решения»

Бельцова Н.

Франция сквозь лобовое стекло. Диалоги на дорогах /
Н. Бельцова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509612-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.О чем говорят попутчики на дорогах Франции? Это издание представляет собой сборник диалогов, записанных автором во время многочисленных автомобильных поездок между двумя городами на Юго-Западе страны.

ISBN 978-5-00-509612-8

© Бельцова Н.
© Издательские решения

Содержание

Сборник диалогов 6
Предисловие 6
Окситанская готика 8
Тяготы баскетбола 10
О воспитании 13
Об ораторском искусстве 16
О вкусах не спорят 18
Главное – свобода 20
В одну и ту же воду не войдешь дважды 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Франция сквозь лобовое стекло
Диалоги на дорогах

Надежда Бельцова

© Надежда Бельцова, 2019

ISBN 978-5-0050-9612-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник диалогов

Предисловие

У моей мамы была духовная наставница Валентина Петровна. Она жила в Риге, играла в теннис, несмотря на тяжелый диабет, и когда мама к ней приезжала, готовила в честь ее приезда говяжьи мозги.

Кроме всех этих качеств, у нее, видимо, было еще одно, и самое главное: умение давать советы.

«Никогда, никогда не бери с собой книги в дорогу. Читать во время путешествия – значит, лишать себя драгоценной возможности узнать поближе своих попутчиков, прикоснуться к их жизни, попытаться понять их взгляды на мир. Живой человек интереснее любой книги, поэтому разговаривай, разговаривай с попутчиками!»

Этот совет оказался настолько живуч, что наложил отпечаток не только на мамину жизнь, но даже и на мою.

В последнее время я много путешествую.

Прожив три года в Бордо, полюбив этот город и оставив там самые сентиментальные привязанности, я по работе должна была переехать на двести километров южнее, в маленький востроkрыший городок под названием По.

Поэтому последние пять лет оказались отмечены для меня постоянными разъездами между двумя городами – По, где я работаю, и Бордо, где меня все еще ждут.

К счастью, во Франции в большом ходу замечательная практика, которую здесь называют «ковуатюраж». Наверное, в русскоязычной части света эта система еще не получила повсеместного распространения, поэтому надо, пожалуй, пояснить, в чем ее суть.

Итак, когда человек собирается в дорогу, он дает объявление (чаще всего – в интернете и чаще всего – на сайте BlaBlaCar) о том, что в назначенный день и час на отрезке между пунктами А и Б в его машине будет столько-то свободных мест. При этом нередко оказывается, что где-то в пространстве Вселенной существует еще один человек, которому по пути с первым. При удачном стечении обстоятельств – и при использовании нужного интернет-ресурса – эти два человека находят друг друга и отправляются в путь вместе. Пассажир платит скромную сумму водителю, позволяющую отчасти покрыть расходы на бензин и на платные автодороги. Но для большинства людей суть все-таки не в деньгах, а в чем-то большем. Почти все попутчики, с кем мне пришлось путешествовать, единогласны во мнении, что суть и соль ковуатюража – это общение.

А каких только встреч не случается в дороге!

Каждое маленькое путешествие – это короткое соприкосновение с чьей-то жизнью.

Чтобы подобрать нужный цвет для окраски стен, маляры пользуются такими маленькими книжечками, «веерами», где в миниатюре представлены все существующие тона и оттенки. У нас на работе таких вееров несколько, и это очень удобно, поскольку избавляет от необходимости держать под рукой сотни и сотни ведер с различными красками.

Мне кажется, что разговоры с попутчиками – это как раз такая вот книжечка-веер, каталог с образчиками всей гаммы человеческих чувств, судеб и размышлений, какие только есть в мире.

Всего не охватить и не объять, но даже по одним только фрагментам, которые мне открылись во время путешествий, становится очевидно, что мир необычайно богат и красочен.

А сколько еще на свете закрытых и недоступных душ, и сколько их было, и сколько еще будет! Как жаль, что все эти удивительные люди со своими историями и переживаниями,

с замечательными идеями и чувствами стройными рядами уходят в неизвестность, не оставляя после себя ни следов, ни даже памяти.

Я надеюсь, что эта книга – если она справится с поставленной ей задачей – сможет зафиксировать, как музей, микроскопическую часть всего этого мирового разнообразия, открывшегося мне во время разъездов.

Это всего лишь запись разговоров, произошедших между попутчиками в разных поездках. Фотографии реальности, какой она казалась сквозь лобовое стекло автомобилей на дорогах Юго-Запада Франции в течение последних пяти лет. Все персонажи – реальные. Никакого художественного переосмысления, никакой критики, минимум комментариев. Многие имена изменены – может быть, умышленно, а может быть, и по простой забывчивости. Если есть фактические неточности, то виною им – моя память.

Окситанская готика

Это моя первая поездка из многосотенной серии. Утро тревожное, хотя и красивое. Я еду в По на собеседование, в незнакомый город, навстречу смутному будущему. Хочется получить эту работу, но не хочется уезжать из Бордо. В таких противоречивых чувствах я выхожу из трамвая на остановке «Форум» и звоню Алин, которая должна везти меня в По. Отзывается женщина в черном и с седой косой, припарковавшаяся возле неоготической церкви. На заднем сиденье уже сидит неопределенного возраста мужчина, как позже выясняется – безработный.

– Вы из По или из Бордо? – спрашивает Алин у нас, пассажиров.

Мой сосед отвечает, что он коренной житель По («Как это назвать по-русски? Почанин?»), и я, в свою очередь, объясняю, кто я, откуда и зачем мне понадобилось ехать в те края.

– Скажи-ка, а не в Бордо ли ты магистратуру заканчивала? – вдруг оживляется Алин.

– В Бордо, – подтверждаю я.

– А я ведь именно там преподаю акустику! Правда, последние три года у меня была пауза в преподавательской карьере, но с этого сентября я возобновляю лекции. Ты у кого училась?

Выясняется, что все мои бывшие преподаватели – Алинины коллеги, и мы совершенно случайным образом разминулись с ней во время моей учебы.

Мне очень любопытно, куда судьба собирается меня занести.

– Расскажите, что это вообще за город – По? Как вам там живется? Я, честно говоря, с тяжелым сердцем еду: не слишком радужной кажется мне перспектива зарыться в таком маленьком провинциальном городке…

– Да ну! По – мой родной город, и мне там очень нравится, – восклицает мужчина неопределенного возраста. – И вообще, Беарн – чудесный регион! Рядом горы, океан рядом, и у нас самое вкусное во Франции вино, – так я узнала, что страна, куда я еду, называется Беарн. – Тебе понравится, вот увидишь!

– На самом деле, все зависит от того, чего ты ищешь, – возражает Алин. – Я, например, любительница ночной жизни. Мне нужно, чтоб было куда сходить вечером с друзьями – в бар, на концерт… С этой точки зрения По – пустыня, тишь да гладь. Мне этот город совершенно не нравится. И потом, беарнцы – народ довольно закрытый, приезжих не любит. Найти среди них себе друзей – очень трудная задача. Есть такая шутка: мол, в Беарне нужно иметь несколько поколений на местном кладбище, чтобы тебя признали за свою. Мы с семьей вот уже шесть лет как живем в регионе, и на нас до сих пор смотрят, как на чужаков. Как только появится возможность – возьму ноги в руки, да и уеду оттуда куда-нибудь.

– Так почему же вы до сих пор в По?

– Хороший вопрос! На самом деле, единственное, что нас там держит – это школа, куда ходит мой младший сын, Жюлиан. Он, видите ли, углубленно изучает окситанский язык, а учебных заведений с таким профилем во Франции очень мало. Пока сын был маленький, мы жили в Лиможе, где он ходил в специализированную окситанскую школу. Но там, к сожалению, дается только начальное образование, и когда сын подрос, нам пришлось переезжать туда, где бы он смог продолжать изучать язык.

– Значит, вы – окситанская семья?

– Изначально мы думали, что нет. Мой муж из Нормандии, я – из Парижа, а корни мои уходят в Италию. Когда мы жили в Лиможе, Жюлиан пошел в обычную школу, и там у него не заладились отношения с первой учительницей. Проблема становилась серьезной, и я стала искать, куда бы его перевести. Как-то случайно выбор пал на школу с окситанским уклоном. Я подумала: хуже ведь все равно уже не будет, почему бы и не попробовать? И действительно, Жюлиан в новом классе стал как рыба в воде. А потом на Рождество мы поехали всей семьей к дедушке в Нормандию, и там за семейным ужином Жюлиан возьми, да и спой колыбельную

на окситанском языке. Смотрим – дед плачет. Выяснилось, что эту самую песенку ему пели его родители, и он сам в раннем детстве знал ее наизусть. Вот так и оказалось, что муж мой, сам того не подозревая, всю жизнь носил в себе окситанскую кровь.

– Невероятно!

– Согласна. Я-то себя считаю итальянкой. Мои родители – потомки итальянских иммигрантов, хотя в Италию никогда не возвращались. Поэтому у меня была давнишняя мечта – свозить маму на историческую родину. И вот недавно я наконец собралась и исполнила эту мечту. Прилетаем мы с мамой в городок наших прадедов – и никак не можем понять: почему вокруг окситанские флаги? Знаешь, такие красно-желтые. Местные жители нам объяснили, что городок является частью Окситании, и окситанский язык там до сих пор в ходу. Это было наше второе озарение: так выяснилось, что и во мне тоже течет окситанская кровь. Вот как, благодаря нашему сыну, мы открыли для себя потайные стороны нашей семейной истории.

С тех пор так мы и дружим с Алин. Иногда ходим друг к другу в гости. Я познакомилась со всей Алининой семьей, включая ее мужа и их чудесного сына Жюлиана, вежливого и любознательного. Мне даже посчастливилось встретиться с мамой Алин, которую все, даже малознакомые люди, зовут бабулей, а также узнать поближе их семейную морскую свинку по имени Джек, названную в честь одноименного Потрошителя.

Чаще я бываю у них, поскольку их больше, и дом у них просторнее. Но и они тоже иногда ко мне заглядывают, и мы все прекрасно помещаемся за моим небольшим, но круглым столом.

Алин угощает меня чаем и домашними пирогами под звуки тяжелого металла и немецкой оперы, а я стараюсь приготовить хотя бы что-нибудь, на что ни у одного из членов ее семьи не было бы аллергии. Хочется верить, что дружба наша будет длиться долго и счастливо.

Однако не стоит поддаваться обманчивому впечатлению, будто попутчики легко становятся друзьями. Ни одна из моих последующих встреч в рамках ковуатюража за его пределами не продолжилась.

Тяготы баскетбола

В четыре часа пополудни все дела мои в По сделаны. Рабочий контракт на руках. Человек, у которого я хочу снять квартиру, согласен подписать договор, но не прямо сейчас, а послезавтра. В По скучно, ночевать мне негде, и я решаю, что хорошо бы сегодня же и вернуться в Бордо, где за мной сохраняется еще комната у хозяйки-мексиканки.

Примостившись на скамейку возле «Макдоналдса» – поближе к бесплатному wi-fi – я смотрю в Интернете, не собирается ли кто-нибудь в Бордо в ближайшие несколько часов. На счастье некий Сами предлагает поездку на четыре пятнадцать. Так что четверть часа спустя я уже жду его на остановке «Университет».

Вопреки распространенному мнению, будто попутчиков берут студенты и малоимущие, Сами приезжает на большом полноприводном BMW.

– Я и не думал, что у меня будут пассажиры. В последний момент выложил анонс – и надо же, сработало.

Я говорю, что тоже очень довольна этим быстрым стечением обстоятельств, потому что в По я пока только проездом. Рассказываю, что нашла здесь работу и теперь ищу себе жилье.

– Забавно. Я примерно в такой же ситуации, только наоборот: по работе переезжаю из По в Бордо и как раз ищу жильцов. Ты что именно ищешь?

– Однокомнатную квартиру или студию, что-нибудь такое.

– А… Тогда ничем не могу помочь. Я сдаю дом из восьми комнат.

– Целый дом! – удивилась я. – А в Бордо ты уже нашел квартиру?

– Нет, я купил дом в Бордо.

Стоит заметить, что цены на недвижимость в Бордо приближаются к парижским – ну или к астрономическим, что, по сути, одно и то же.

Я внимательно смотрю на Сами. Он действительно похож на состоятельного человека: брюки цвета рябины, желтоватая рубашка – прямо настоящий буржуа.

– Что же за работа зовет тебя в Бордо, если не секрет? – спрашиваю я.

– Я недавно подписал новый контракт с тамошним спортивным клубом. Я баскетболист.

«Вот это да!» – думаю я. Не каждый день встречаешь живых баскетболистов.

– А ты всю жизнь играл за По?

– Нет, в По я приехал всего четыре года назад. Вообще-то я из Парижа. Я парижанин, – повторяет он с достоинством. – Но как раз четыре года назад мне предложили выгодный контракт в этом регионе, и я приехал сюда.

– Не грустно тебе было уезжать жить в провинцию?

– В твоем возрасте этого не понять, – Сами смотрит на меня снисходительно с высоты своих тридцати четырех лет. – Но когда становишься старше, интересы меняются. Маленький город привлекательнее для семейного человека. Хотя моей жене тоже было тяжело адаптироваться к жизни в По. Она переехала сюда из Тулузы ради меня, и я ей за это очень благодарен.

– А она тоже спортсменка?

– Нет, она учится в школе магистратуры [1].

– Ого! Говорят, это адски сложное занятие! Жена моего бывшего коллеги шесть лет подряд сдавала итоговый экзамен – и так и продолжает попытки, только все безуспешно. Ты, наверное, будешь страшно гордиться женой, когда ей удастся получить этот диплом!

– Я и так ею горжусь. Нужно много сил и смелости, чтобы взяться за такое трудное дело. Правда, сейчас у нас маленькая дочка, поэтому на учебу у нее остается уже не так много времени, как раньше.

– Скажи, как долго может длиться карьера баскетболиста?

– Ну вот, например я, в мои тридцать четыре года, уже ветеран. Думаю, контракт, который я подписал в Бордо, будет для меня последним.

– У тебя уже есть идеи, чем ты будешь заниматься в следующей жизни?

– Естественно. Я учусь в школе менеджмента. Образование довольно общее, но диплом ценится.

– Наверное, ты переживаешь, найдется ли потом работа по твоей специальности?

– Нет, нисколько.

«И правда, до чего ж глупый вопрос, – одергиваю я сама себя. – Человек, который в свои тридцать с небольшим может купить себе дом в Бордо, вряд ли имеет те же страхи и переживания, что свойственны какому-нибудь недавно дипломированному специалисту из далекого ниоткуда – вот как мне, например».

Я прошу рассказать подробнее о том, как проходят будни баскетболиста.

– Мы, как и вы, работаем полный рабочий день. Восемь часов ежедневных тренировок. Это не значит, что мы все восемь часов напролет играем в баскетбол. Большую часть времени мы занимаемся развитием своих мышц и связок. Вот ты, например, будучи архитектором, отрабатываешь технику заточки карандаша, чтобы рисунок был четче. («Интересный взгляд на нашу профессию», – замечаю я про себя, но развивать сюжет не берусь). Точно так и мы, спортсмены, должны постоянно работать над своим телом, чтобы оттачивать свои движения.

Тут я вспоминаю рассказы про Третьяка и его звездную команду: про их сплоченность, про то, как они вместе тренировались, ели, спали, как их хоккейная жизнь стояла выше жизни семейной. Интересно, у французских баскетболистов так же?

– Нет, совсем не так. Видишь ли, баскетбол, как и футбол – это такой спорт, куда идут исключительно ради денег. Ты, наверное, замечала, что в баскетбольных командах большая часть игроков – чернокожие. Ну так вот, это как раз цветная молодежь из неблагополучных пригородов. Я почему знаю – я сам оттуда. Вырос в одном из «горячих кварталов» под Парижем. И мне известно, что для большинства людей из этой среды главная мечта в жизни – заработать. Поэтому никакого командного духа у нас нет. Мы друг друга знаем по именам, и на этом наше знакомство заканчивается. Чтобы сходить вместе пообедать или провести выходные всей командой – такого нет и в помине. Вот регби, например, – совсем другое дело. Туда в основном идут люди из деревень, и у них свое миропонимание. Для них важен коллектив, важна дружба. В этом отношении мне регби симпатичнее, чем баскетбол. Но так уж вышло, что я баскетболист, а не игрок регби.

– Как ты вообще пришел в этот спорт?

– Естественным образом. Мой папа спортсмен, моя мама – спортсменка. Оба в командных видах спорта. Я – прирожденный игрок. Я вообще люблю играть: хоть в карты, хоть в шахматы. Поэтому мне в баскетбол была прямая дорога.

– Сами – арабское имя. У тебя корни из Магриба?

– Да, мой отец – тунисец. Но у меня с этой страной нет никаких связей. Я не говорю по-арабски, и в моей семье нет и следа от мусульманских традиций.

– Ты не жалеешь об этом?

– Иногда жалею. Особенно когда сравниваю себя с моей женой. Она, как и я, наполовину туниска, но, в отличие от меня, очень привязана к своим корням. Постоянно ездит в Тунис, поддерживает связь с родственниками.

– А дочь вашу вы воспитываете в смешанных традициях или в чисто французских?

– Скорее, в чисто французских. Например, мы дома часто слушаем французскую музыку, и в последнее время я заметил, что ее очень успокаивает голос Жака Бреля. Поэтому я стараюсь как можно чаще петь ей песни из его репертуара, и ей, видимо, нравится.

Я представляю себе длинного смуглого младенца, засыпающего под арабские интерпретации французского шансона. Длинного – потому что папа баскетболист, смуглого – потому что оба родителя тунисцы. Эта мысль занимает меня весь остаток пути.

О воспитании

– Ты по-английски не говоришь?

Это первый вопрос, который Патрик задает мне при встрече.

– У меня тут двое, – поясняет он с некоторым беспокойством, мельком взглянув назад, – по-французски ни в зуб ногой.

Это относится к двум азиатским девушкам, стоящим немного поодаль и отчаянно улыбающимся то ли Патрику, то ли мне.

Но вскоре выясняется, что беспокоиться насчет языкового барьера не стоит: девушки как садятся в машину, так и засыпают. Я впоследствии нередко замечала, что молодые люди в дороге чаще всего спят.

– Ты из По? – спрашивает меня Патрик.

– Уже да, – отвечаю я с тоской. – Нашла здесь работу, теперь вот постепенно переезжаю. Осталось из Бордо забрать несколько вещей.

– Ты, видимо, не очень-то рада переезду. Я понимаю, мне в молодости тоже в Бордо больше нравилось. Ясное дело: там бары, клубы, жизнь бьет ключом. Но теперь, когда у меня есть семья, мне и здесь живется отлично. Что за работа-то у тебя?

Я объясняю.

– А ты кем работаешь?

Готового ответа на этот вопрос у Патрика не оказывается. Он пережевывает несколько фраз, потом проглатывает их и выдает наконец:

– Вообще-то я был военным… Но потом мне это осточертело, и я ушел в отставку.

– Неужели из армии можно вот так запросто взять – и уйти?

– Вообще-то нет. Но если есть голова на плечах, и в ней – немножко смекалки, то лазейка найдется. Я вот нашел.

И он поясняет:

– Когда солдат возвращается после боевой операции, он в обязательном порядке должен пройти осмотр у врача и у психиатра. Ну там, знаешь, чтобы убедиться, что он не рехнулся во время командировки. Так вот, когда я вернулся из Югославии, меня сразу же хотели отправить в очередную горячую точку. Но я уже тогда точно знал, что вся эта армия у меня в печенках сидит и что больше я на войну ни за какие деньги не пойду. Вот я и сделал вид, что у меня не все в порядке с головой. Конечно, тут главное не переиграть. Я сыграл тонко. Вначале просто посеял сомнения у врача. Он в тот же день сообщил начальству, что мне давать оружие пока нельзя, и что нужно меня еще немного потестировать. Конечно, мой руководитель был в бешенстве. Меня заставили заниматься уборкой, и я пару недель мыл унитазы в казарме. За это время опасения медиков подтвердились. Меня уже никуда не собирались пускать, и я твердо закрепился на должности уборщицы. А через несколько месяцев меня наконец отправили в отставку как негодного к службе. Так я и обрел свободу.

– И чем же ты стал заниматься на свободе?

– Чем попало. Сидел на пособии, работал на мэрию, ремонтировал очистные сооружения… пока не понял, чего я хочу от этой жизни. А теперь, когда я нашел свое призвание, я твердо решил: все силы буду вкладывать в реализацию моего проекта.

Я, естественно, интересуюсь, что за проект.

– Я хочу разводить кур. Не на мясо, нет. Учитывая, что мясо нужно есть не чаще раза в неделю, я думаю сделать ставку на яичную породу.

– Фермерство – такое сложное дело! Наверное, нужно очень хорошо подготовиться, чтобы не понести убытки с самого начала.

– О да, я уже давно готовлюсь. У меня есть друг, который дает мне много дельных советов. Я даже решил, какую породу заведу: голуаз, или галльскую курицу.

Далее следует краткое описание этой патриотически названной породы: золотистое оперение, оранжевые глаза, небольшой размер, способность летать – и период почти полного забвения во время Второй мировой войны…

– А твоя жена поддерживает твою куриную страсть?

– В принципе, да. Но я знаю, что на моей ферме она ничего делать не станет. У нее своя работа, и ей, я думаю, будет не до кур.

– Чем она занимается?

– Размещением детей.

– Как так – размещением? Каких детей?

– Ну знаешь, бывает же, что ребенок появляется на свет в неблагополучной семье. Его родители не могут толком за ним присматривать, или даже представляют опасность для его жизни. Таких детей временно размещают в нормальных семьях. Это не удочерение или усыновление: ребенок проводит в приемной семье всего несколько дней в неделю, а остальное время живет у своих родителей или в детском доме. Вот подбором таких «гостевых» семей и занимается моя жена.

– Это же так чудовищно противоестественно! И как может настоящая мать смириться с тем, что ее ребенок сдается в аренду каким-то чужим людям?

– Да что ты! Такие тяжелые случаи бывают, ты даже представить себе не можешь. Например, в нашей деревне живет одна цыганская пара. У жены уже пятая непризнанная беременность.

– Что-что?

– Беременность непризнанная, или отрицание беременности. Это когда женщина подсознательно отказывается признать, что ждет ребенка. То есть она его и не ждет совсем: хотя он уже зачат, ее тело никак не реагирует на свое новое состояние, и она о нем не подозревает до самого конца. Даже живота совсем не видно. И когда вдруг в последний момент правда выходит наружу, такая мать совершенно не готова ухаживать за младенцем. И молока у нее, как правило, нет, и желания возиться с ребенком – тоже…

– Чудеса! – удивляюсь я. – Такое правда бывает?

– Да. Именно таким синдромом страдает вот уже в пятый раз эта самая цыганка, которая живет в нашей деревне. Каждый раз, как родит, говорит, что уж этого-то ребенка точно выходит сама. И каждый раз все заканчивается одинаково: она забрасывает его в дальний угол, и государству приходится спасать несчастного малыша. Такими-то детишками и занимается моя жена.

– Видно, и ты любишь детей. У тебя свои есть?

– Есть.

– Сколько?

– Двое… то есть трое, – поправляется Патрик и рассказывает свою историю.

– В шестнадцать лет у меня, как и у всех нормальных подростков, была подружка. Никаких серьезных планов мы с ней не строили – да и какие планы в этом возрасте? Просто первый опыт отношений… И тут в один прекрасный день она мне объявляет, что беременна. Я, естественно, твердо заявил, что этого ребенка не хочу. Я даже не был уверен, что он от меня. Настаивал, чтоб она сделала аборт. А она – нет, да и все. Не знаю, почему. В итоге мы на этом пункте не сошлись, и я ушел, так ребенка и не признав. Скажи, разве я не прав? Ну зачем человеку в шестнадцать лет становиться отцом? У меня и в мыслях этого не было… В общем, так до недавнего времени я считал, что ребенок не мой, и жил спокойно.

Этот ребенок – девочка. Ей теперь пятнадцать лет, и у нее серьезные поведенческие проблемы. Она не признает авторитетов, регулярно убегает из дома… Ее мать вбила себе в голову,

что будь у этой девочки отец, она бы вела себя лучше. И вот настояла на том, чтобы сделать анализ ДНК. Ну сделали. Вышло, что это моя дочь. Вот я и еду в Бордо, чтобы с ней познакомиться. Она сейчас как раз в очередной раз убежала из дому и находится пока в детском приюте.

– Представляю, как ты, должно быть, волнуешься перед этой встречей!

– Да нисколько не волнуюсь, – и правда, совершенно невозмутимо Патрик продолжает рассуждать о воспитании. – Знаешь, быть родителем – дело непростое. Дети ведь так зависят от чужого мнения! Ты их воспитываешь, чтобы они умели расставлять приоритеты в жизни и не отвлекались на ерунду. А для них самое важное – какой марки у них телефон или ботинки. Я им все время говорю: «Свитер – это свитер, его задача – сохранять тепло, и с этой задачей он может справиться вне зависимости от того, есть на нем логотип с крокодилом или нет». Ох уж эта современная молодежь…

«Ох уже эти современные родители», – в свою очередь вздыхаю я молча.

Об ораторском искусстве

– Что это за акцент? – типичное начало любого разговора со мной, хотя я уже больше пяти лет живу во Франции.

– Я из России. А вы – коренные жители По? – спрашиваю я, чтобы перевести разговор на какой-нибудь сюжет, не связанный с тем, как я оказалась во Франции, ибо повторять одну и ту же историю в течение всех этих лет мне уже надоело.

– Я – да. Разве не видно по моим русым волосам и светлой коже? – смеется смуглый и черноглазый брюнет Сам.

– Мой круг общения в последнее время так узок, что уроженцев По я еще ни разу не встречала. А что, они действительно так светлокожи?

– Нет, нет, это он шутит, – с переднего сиденья тихо отвечает очень серьезная женщина, жена Сама. – Я родилась и выросла в По, и я не блондинка.

– Тогда попробуй угадать, откуда я, – предлагает Сам.

Я начинаю перебирать: Тунис, Алжир, Египет… Нет, оказывается, что Сам из Ливана. Дочь его, кудрявая девочка, сидящая рядом со мной, только что поступила на медицинский факультет. Поэтому разговор естественным образом переходит в область здравоохранения.

– Я с грустью констатирую тот факт, – неторопливо начинает Сам, – что в наши дни государство уже не заботится о своих гражданах так, как раньше. По статистике, современные французы гораздо чаще страдают профессиональными заболеваниями, чем 30 лет назад. В подтверждение папиных слов дочка-первокурсница, немного запинаясь, цитирует последние статистические данные в этой области.

– Вот пример, – продолжает Сам. – Когда информационные технологии только-только входили в обиход, на тыльной стороне клавиатуры, помнится, всегда был приклеен листок с правилами безопасности при пользовании компьютером: как правильно сидеть, как держать локти, кисти, голову, когда набираешь текст. Вот это была забота о гражданах! А сейчас что? Почему перестали так делать? Кто теперь информирует людей об опасностях, ждущих их на рабочем месте? Вот и процветают всякие артрозы и невралгии у офисных работников!

– А разве государство должно отвечать за то, как сидят люди перед компьютером – прямо ли, криво ли? Мне казалось, это дело личное, – удивляюсь я.

– Совершенно верно, это дело исключительно личное! – тут же соглашается Сам и продолжает:

– Я замечаю, что современные люди постепенно теряют чувство ответственности за собственное здоровье. К сожалению, многие граждане не осознают прямой зависимости между своим индивидуальным здоровьем и благополучием всего общества, а также экономикой страны в целом. Ведь наша система здравоохранения существует благодаря тому, что каждый из нас вносит в нее свой вклад. Вспомните, сколько отчислений из вашей зарплаты уходит в кассу социальной защиты. Все работающее население трудится на эту громадную коллективную копилку. А некоторые этого не понимают: болеют, болеют и нисколько болеть не стыдятся. Попадут в больницу, думают – не беда. Не из своего же кармана придется расплачиваться за медицинские услуги. Вот и кажется людям, что все это так, бесплатно с неба падает. Хотя, по сути, больной человек тратит на себя общественные деньги. Поэтому болеть – безответственно! Особенно молодым. Со стариков, конечно, нечего взять: им хворать природой положено. К счастью, для ухода за ними созданы специальные учреждения.

– А я, если честно, все никак не могу смириться с этим французским обычаем сдавать своих стариков в дома престарелых, – я поспешно подхватываю разговор. – Для меня это как бы обратная, темная сторона Франции. Пока ты молод и здоров, жизнь – отрада, веселись, наслаждайся свободой, едой, климатом. Только помни, что как только станешь стар и немощен,

общество тебя выбросит, как море выбрасывает мусор на прибой. Конечно, это всего лишь вопрос культуры, но мне такой подход кажется чудовищно неправильным. Ведь пожилой человек – это не только брюзга и обуза для молодых и активных, но это еще и мост, по которому знания, опыт и любовь переправляются из одного поколения в другое. Старики – это хранилище национальной памяти и культуры. А французы воспринимают их всего-навсего как беспомощных ворчунов, которые мешают жить и которых надо поэтому отправить на свалку, в резервации, то есть в дома престарелых, где специально обученный персонал будет со снисходительной и наигранной доброжелательностью обеспечивать им гигиену и питание в ожидании их смерти. Причем за огромные деньги. И такая участь ждет всех, кто не умрет молодым. По-моему, это трагично. Не могу с этим смириться.

– Совершенно согласен! – восклицает Сам. – Ведь это проблема государственного уровня! Почему правительство не предпримет мер для решения этой проблемы? Почему не занимается содержанием стариков? Дома престарелых должны быть бесплатными и доступными для всех!

За окнами проносится лесопильный завод, узнаваемый по ровным стопкам гладких, блестящих от влаги сосновых бревен. Сам сокрушенно вздыхает.

– Куда катится мир! Посмотрите, до чего мы довели окружающую среду! Воздух загрязнен, воду из-под крана скоро страшно будет пить! Недавно ученые заметили, что в последнее время среди представителей водной фауны все чаще и чаще наблюдается явление гермафродитизма, причем даже у видов, которым оно в принципе не свойственно. Ведь это же ненормально!

– Уже доказано, что одна из основных причин этого феномена – широкое применение гормонов в качестве контрацепции, – вносит в разговор свое веское слово юная студентка-медик. – Эти гормоны через урину попадают в водоемы и таким образом действуют на обитающих там рыб и моллюсков.

– Вот этого я тоже понять не могу! – снова возмущается Сам. – Казалось бы, ответственность за рождение детей лежит в равной степени на обоих партнерах. Так почему же за все последствия отвечают всегда одни только женщины? Почему лишь они должны травить свой организм гормонами? Заметьте, противозачаточных пилюль для мужчин не существует. Как будто само собой разумеется, что мужчина тут ни при чем. По-моему, это вопиющая несправедливость.

Я мысленно аплодирую Саму. А он тем временем продолжает:

– Взять хотя бы сельское хозяйство: оно же губит природу! Пестициды, гербициды, фермы конвейерного типа, где животные не могут ни пошевелиться в своих боксах, ни заснуть от круглосуточно включенного освещения… Это же ад! Но что самое-то ужасное: потом все эти пестициды попадают куда? В наш организм. Лично мне страшно за здоровье моих детей.

– Тогда вы, наверное, покупаете исключительно продукты органического сельского хозяйства? – интересуюсь я.

– К сожалению, это для нас слишком дорого. Нет, мы, конечно, стараемся употреблять в пищу как можно больше органических продуктов, но полностью перейти на био-рацион нам не по карману. Ведь экологически чистые продукты стоят в два раза дороже остальных! И это неудивительно: где маленьким местным фермерам соревноваться с мультинациональными гигантами сельского хозяйства? Поэтому государство должно было бы ввести пособия для производителей органической продукции, чтобы помогать мелким фермерам.

Я хочу было возразить, что спасение потребителей – дело рук самих потребителей, и что переход к здоровому сельскому хозяйству может быть оплачен только нашими же собственными кошельками, а вовсе не европейским бюджетом… Но всего этого сказать я не успеваю, потому что мы уже приехали.

О вкусах не спорят

Стоя возле парковки в ожидании назначенного часа, я разглядываю людей. В глаза бросаются двое: молодой человек и девушка. Почему за них так цепляется взгляд – трудно сказать. Вроде бы, ничего особенного, студенты как студенты. У него рюкзак и немного отросшая стрижка, у нее – рыжие вьющиеся волосы, потертый кожаный портфель и сигарета в руке. Весь вид их как будто хочет рассказать что-то о своих хозяевах, только я не владею языком, на котором ведется рассказ.

Час отъезда. У Максима новенькая спортивная машина, галстук и костюм и без единой складочки. Ему девятнадцать лет. Выясняется, что юноша с рюкзаком тоже едет с нами в Бордо, а девушка просто пришла его проводить.

Максим, беспрестанно улыбаясь и демонстрируя все свои безупречные зубы, производит впечатление то ли торгового агента, то ли человека счастливого, самоуверенного и всей душой желающего сделать окружающих такими же счастливыми, как и он. Уже на ближайшем перекрестке выясняется, что первое предположение было близко к истине. Максим радостно указывает на рекламный щит у дороги.

– Вот это – моя сделка! Я занимаюсь продажей рекламных пространств, – радостно объявляет он.

– Тяжелая, наверное, у тебя работа? – спрашиваю я как носитель той расхожей мысли, будто работа продажника напоминает вылазку большой белой акулы на калифорнийский пляж.

Максим как будто даже удивлен.

– Нет, наоборот, работа очень приятная. У меня замечательные отношения с коллегами, свободный график. Например, я занимаюсь теннисом. Два раза в неделю у меня бывают тренировки прямо в середине дня. Я прихожу утром в офис, ухожу в обед и потом возвращаюсь в пять вечера. И никаких проблем! Напротив, моя фирма очень уважительно относится к свободному времени своих сотрудников.

– Действительно, здорово! – соглашаюсь я. – Но все-таки в отношении заказчиков наверняка приходится проявлять некоторую агрессию? Ну, чтобы убедить, что твой продукт или сервис самый лучший, заставить человека раскошелиться…

– Вовсе нет! – доброжелательно возражает Максим. Его манера говорить наводит на мысль о воспитательнице из платного детского садика, которая в тридцатый раз разъясняет детишкам, откуда берется молоко: мол, ну что же тут сложного, ничего, я вам еще раз объясню. – На самом деле, никакой агрессии в нашем ремесле не требуется. Смотри: моя главная цель – удовлетворить клиента. Я пытаюсь мысленно войти в его ситуацию и понять, чего он хочет. И потом предлагаю действительно качественный продукт, который полностью соответствует ожиданиям заказчика. Ведь это же сплошное удовольствие, а не работа!

…и снова улыбка воспитательницы, ожидающей реакции своей малолетней паствы.

– Если так смотреть, то действительно, ты прав, – соглашаюсь я и углубляюсь в размышления о том, что надо бы пересмотреть мои взгляды на профессию Максима. Тем временем Кзавье, студент с заднего сиденья, спрашивает:

– А у тебя аттестат о среднем образовании с каким уклоном? С коммерческим?

– Ах, у меня вовсе нет никакого аттестата, – снова расплывается в улыбке Максим. – Мне никогда не нравилось учиться. Зато я люблю работать. Уже в семнадцать лет я устроился в магазин мужской одежды продавцом. Чудеснейший был опыт! Там я понял, что коммерция – это действительно мое. К тому же у меня было много бонусов: например, я мог покупать себе костюмы самых известных брендов с пятидесятипроцентной скидкой. Я там себе весь гардероб составил! – добавляет Максим, сияя от гордости.

– И ты так и не хочешь получить хоть какое-нибудь образование, связанное с твоей работой?

– Хочу! – охотно соглашается Максим. – Я как раз сейчас думаю, как получить аттестат заочным способом. А ты где-то учишься?

– Да, я учусь в школе изящных искусств. Я художник, – отвечает Кзавье.

Как всегда, в компании молодых людей, живущих в маленьком городе, заводится разговор о том, как студенту скучно в провинции.

– Признаюсь, мне, как человеку из большого города (то есть из Бордо), довольно трудно привыкнуть к жизни в По. Не то, чтобы здесь совсем не было культурной жизни, просто все мероприятия как-то не очень афишируются. Надо знать, где искать о них информацию, – сетует Максим.

– Это верно, – подтверждает Кзавье, уроженец По. – На самом деле, здесь много что происходит, но если не интересоваться, то ничего и не узнаешь. Ты, например, уловил, что в следующие выходные намечается очередная «рейв пати»?

– Честно говоря, такие вечеринки не совсем в моем вкусе, – отвечает Максим как бы нехотя.

– Какой такой грейп? Что это? – вопрошаю я, очнувшись от размышлений и мгновенно осознав, что вот-вот потеряю нить разговора. Юноши объясняют: оказывается, «рейв пати» (от английского rave party) – это спонтанно организованные и официально запрещенные сходки на лоне природы любителей техно-музыки и наркотиков. За несколько часов до мероприятия все члены сообщества секретным образом получают сообщение о месте встречи и в назначенный час дружно туда отправляются: кто пригородным поездом, кто пешком…

– Да, это сложно понять людям извне, нужно быть немного в ритме со всем этим бредом, но если бы ты попробовал, тебе бы понравилось, – говорит Кзавье.

– Да я попробовал один раз – и зарекся. В начале вечеринки вроде все было здорово, хоть я и не любитель техно и электронной музыки. Я познакомился с симпатичной девушкой, все, вроде, как всегда. И тут она мне начинает рассказывать про свое трудное детство, про то, как она свою первую дозу кокаина приняла из рук матери, пока ее насиловал отчим, и все такое… А ближе к утру я случайно снова наткнулся на эту же девушку, только уже в полностью обезображенном состоянии, обколотую и втоптанную в грязь. Меня тогда чуть не вырвало. У меня сложилось впечатление, что рейв-вечеринки – это центр притяжения несчастных людей. Они переживают или пережили такие потрясения, что теперь не в состоянии радоваться простым вещам и мечтают об одном – забыться в громкой музыке и в наркотиках.

– Нет, вы не подумайте, я так-то ничего не имею против наркотиков, – быстро продолжает Максим как бы себе в оправдание. – Я уже не раз пробовал и кокаин, и марихуану, но доводить себя до такого состояния, как это делают люди на подобных вечеринках, – нет, спасибо.

После этого рассказа слова из песни «Машины времени» «…они торчат под рейв и чем-то пудрят носы» расцветают перед моим внутренним взором всеми красками. Теперь, когда я вижу в вечернем транспорте группы молодых людей, одетых неуловимо странным образом, с блуждающим взглядом и печатью какого-то страшного горя в отуманенных глазах, я знаю, что это – любители «рейв», устремляющиеся в лес, во тьму, на свой громыхающий и безрадостный шабаш, и мне становится грустно.

Главное – свобода

Сказать честно, я выбрала Ширин себе в попутчики исключительно по двум причинам. Первая: потому что вспомнилась знаменитая поэма Низами. Вторая: потому что пришло на ум ничего не означающее словосочетание «Пряник, прялка и птица… Ширин». Птица Ширин…. Надо познакомиться.

Но это самое знакомство происходит на двадцать минут позже намеченного и длится аж на час дольше запланированного.

Итак, встреча назначена на восемь вечера у остановки «Сен-Женес». Из-за пробок мой автобус задерживается, и я хотя и бегом, но все-таки с десятиминутным опозданием, прибываю к этой остановке и звоню Ширин, чтобы уточнить, где именно она припарковала свою машину. Она объясняет, что ждет меня прямо напротив продуктового магазина. Я с телефоном в руке и с рюкзаком за плечами отмеряю раза четыре всю улицу сверху донизу, устаю, расстраиваюсь, но ни продуктового магазина, ни, соответственно, машины Ширин, не нахожу. Равно как и проезжей части, открытой автомобильному движению. Словом, через добрых десять минут тщетных метаний я понимаю, что возле трамвайной остановки «Сен Женес» Ширин припарковаться никак не может, потому что улица пешеходная. Тогда я вспоминаю, что есть автобусная остановка с таким же названием не очень далеко отсюда.

Так мы наконец находим друг друга.

На переднем сиденье уже сидит приятного вида девушка с азиатскими чертами лица.

Я, конечно, не могу удержаться и первым делом, извинившись за опоздание, начинаю расспрашивать Ширин, откуда у нее такое имя и читала ли она поэму с одноименным названием.

Выясняется, что об этом чудесном литературном произведении она и не слышала ни разу, а поэтическим именем обязана своему отцу, который у нее, оказывается, родом из Марокко.

– Мой папа марокканец, мама – из Голландии, а я родилась во Франции, – гордо заявляет Ширин. Глядя на нее, легко поверить, что смесь арабских генов с нидерландскими дает отличные результаты. По крайней мере, Ширин – очень красивая девушка.

Она рассказывает, как живет теперь в городе Олорон-Сент-Мари, что затерялся между По и Пиренеями, как приехала туда на годичную практику и работает на известного производителя шоколада.

– Мне осталось пройти эту практику, и я получу свой магистерский диплом. Что буду потом делать – еще не решила.

– Может быть, тебя возьмут на постоянную работу в фирму, где ты сейчас работаешь?

– Может, мне и предложат остаться. Но даже если и предложат, я все равно не соглашусь. Мне, конечно, нравится это предприятие, и зарплаты там неплохие, но я не собираюсь вот так сразу после университета себя связывать постоянной работой. Меня такая перспектива не интересует. Я предпочитаю краткосрочные контракты в разных компаниях. Так у меня будет больше времени на то, чтобы понять, чем именно я хочу заниматься в жизни. И потом, я хочу путешествовать. Устроиться на постоянную работу – значит, потерять свободу передвижений. На твоем месте я бы тоже не стремилась зацепиться там, где ты сейчас работаешь. В жизни ведь столько возможностей! – уверенно заключает она. За минуту до того я делилась своими чаяниями по поводу постоянной работы.

Я пытаюсь было объяснить, что наши с ней жизненные ситуации кардинально различаются: у нее, в отличие от меня, есть гражданство той страны, где она живет, и она значительно моложе меня… Но француз никогда не поймет иммигранта, поэтому мы меняем тему и слушаем другую пассажирку – студентку медицинского факультета. Она очень занимательно рассказывает, что родители ее – из Лаоса, что они держат ресторан в Бордо и что у нее в рюкзаке

лежит несколько вкуснейших рулетиков из рисовой бумаги, которые только и ждут, чтобы их съели на ужин.

На этом захватывающем моменте Ширин вдруг объявляет, что у нее вот-вот закончится горючее. До ближайшей заправки остается всего около десяти километров, и мы успокаиваем Ширин, что уж до бензоколонки-то мы точно сможем доехать. Но меньше чем за километр до заветной заправки двигатель глохнет, и машина съезжает на обочину. Мы оказываемся на пустынной автодороге A64 совсем одни, без бензина и без помощи.

Согласно статистике, продолжительность жизни человек на обочине скоростной автодороги составляет не более десяти минут. Вопреки этим данным, мы втроем проводим в таком положении чуть больше часа. За это время Ширин успевает дозвониться до своей страховой компании, объяснить ситуацию, замерзнуть за компанию с нами, достать из багажника синтетический плед – один на троих – и почти согреться.

Но тут приезжает грузовик-выручатель. Из него выходит невысокий человечек с маленькой канистрой бензина. Заправляет машину Ширин, выписывает счет на двадцать пять евро и снова исчезает в летних сумерках вместе со своим грузовиком. А мы благополучно доезжаем до заправки, выпиваем по чашке горячего шоколада и опять пускаемся в путь.

Вот такая птица оказывается Ширин.

В одну и ту же воду не войдешь дважды

– А чем вы занимаетесь в жизни? – спрашивают с заднего сиденья две старушки-хохотушки, лишь только мы все четверо сели в машину.

– Я сейчас осваиваю профессию чертежника, – отвечает сорокашестилетний Робер. – Со следующей недели у меня начинаются курсы строительного черчения в Байоне.

– Надо же! – восклицаю я, не удержавшись.

– А что? Тебе близка эта область?

Я признаюсь, что работаю архитектором.

– У-ля-ля, – говорит Робер, – если б я знал, я бы пришел сегодня в галстуке и с папкой моих рисунков! Я как раз ищу, где бы пройти практику. Твоей фирме не нужен практикант?

Тут мы говорим о разных программах, в которых работают архитекторы, и о том, как тяжело найти преддипломную практику в таком регионе, как Юго-Запад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.